Х.Г. Тхагапсоев,
доктор философских наук, профессор КБГУ

ЧЕЛОВЕК НЕУКРОТИМОЙ ЭНЕРГИИ

Давно известно, что большинство людей склонно начало своих отношений с тем или иным человеком вести от какого-то «особого» рубежа – от встречи с ним в необычных обстоятельствах или в какой-то поворотный момент судьбы и т.д. Но бывает и так: человека ты знаешь просто потому, что он явно выделяется из общего окружения, приковывает к себе внимание окружающих. Асланби Темботов относился именно к числу таких ярких людей, которых, как правило, знают все, если даже они с ним близко не соприкасаются. До поры до времени мои отношения с Асланби носили именно такой характер – я его знал, но особых контактов у нас не было.

Теперь в уже далекие 60-е годы прошлого века, а точнее в 1964 г., я пришел в КБГУ на преподавательскую работу, что называется «прямо со студенческой скамьи» после окончания Московского высшего технического училища им. Н.Э. Баумана (ныне Московский государственный технический университет). Уже и в то время МВТУ был очень крупным вузом (около 17 тыс. студентов) и интеллектуальным центром ракетной и атомной технологий, в которых мировое лидерство Советского Союза было общеизвестным и общепризнанным. Невольно соотнося КБГУ с громадным размахом дел и бешеной динамикой жизни МВТУ, наш университет мне казался крохотным, тихим и провинциально милым заведением. Здесь все шло неспешно, почти все, - от самого молодого лаборанта до руководителей вуза, - знали друг друга в лицо и при встрече здоровались непременно за руки, обстоятельно, с вежливыми расспросами о здоровье, делах, общих друзьях и т.д. На этом фоне Асланби резко выделялся уже своими стремительными манерами, торопливой и энергичной походкой, яркими интонациями речи, в то время как вокруг явно преобладала степенность, как и положено «мужам науки», тем более на Кавказе. Но стремительность Асланби как-то очень органично сочеталась с его твердой приверженностью к нормам национального этикета. До 1973 г. наши отношения оставались, как говорят в таких случаях, на уровне вежливого знакомства, что в ту пору было просто нормой отношений в КБГУ. Все, что я знал о нем:

Асланби Темботов – один из наиболее талантливых ученых нашего университета, работает в области биологии, энтузиаст по складу характера и

отношению к делу. Но ситуация изменилась, можно сказать, радикально, когда ректором университета стал В. Тлостанов, а это произошло в июле 1973 г. Заняв пост ректора КБГУ, Владимир Келеметович взялся за дело коренного преобразования университета с присущей ему редкостной обстоятельностью. Сейчас, по прошествии многих лет, о В. Тлостанове можно услышать разные суждения, в том числе и упреки в неровности характера, излишней амбициозности, в слабости к лести и т.д. Впрочем, отношения Владимира Тлостанова и Асланби Темботова тоже складывались не просто и не всегда ровно (к ним я еще вернусь). Но как бы ни относиться к В. Тлостанову, бесспорно одно – именно он сумел поднять КБГУ, который оставался в ту пору провинциальным педвузом с двумя «чужеродными элементами» – инженерным и сельскохозяйственным факультетами – до уровня университета. Заступив на должность ректора, Тлостанов сразу же затеял нечто такое, что здесь прежде ректорами не практиковалось: он поочередно приглашал к себе преподавателей и беседовал с каждым в отдельности. Не могу утверждать, что через эту беседу прошли все, кто работал в то время в КБГУ, но знаю – прошли очень многие. Так новый ректор изучал университет, его потенциал (что называется не по бумагам, а по людям) и, конечно же, он по ходу намечал и тех, на кого он может и будет опираться в реализации своих замыслов и программ по развитию университета. В числе этих людей, естественно, оказался Асланби. Советская система, как известно, не допускала большой вольности в создании разных неформальных структур: все должно было укладываться в какие-то комиссии при парткоме, месткоме, ректорате, не более того. Но и тут нашелся выход – в КБГУ была создана комиссия по научной организации учебного процесса (НОУП). Просто комиссия, ни при ком, в состав которой в разное время входили самые заметные фигуры профессорско-преподавательского корпуса университета: А. Темботов, С. Задумкин, Х. Хоконов, А. Микитаев, И. Ахматов и др. А председателем этой комиссии ректор назначил меня. Современным языком эту комиссию следовало бы называть экспертной группой. В. Тлостанов поручал ее членам самые разные задачи и проблемы, связанные с формированием концепции и стратегии развития КБГУ, с их воплощением. Работа в таком плане и стала причиной очень частых моих общений с Асланби. Он фактически стал лидером биологического образования в КБГУ, что нравилось, видимо, не всем: время от времени возникали различные трения и конфликты вокруг него, его идей и

предложений по развитию биологической науки и биологического образования в университете. Вероятно, нет смысла вновь вдаваться в причины и истоки этих конфликтов, вспоминать их подробности. Тем более, что еще в то время у меня сложилось убеждение – реальное и естественное лидерство – за Асланби, что в последующем нашло подтверждение и закрепление избранием его в состав Российской академии наук. Я, придерживаясь этого убеждения (что нравилось далеко не всем коллегам по университету), всегда старался поддерживать Асланби и его позицию, о чем, впрочем, он впоследствии и сам вспоминал не раз и прилюдно. Здесь напрашивается небольшое отступление. Дело в том, что конфликты и трения в научной и творческой среде – явление обычное и неизбежное; они, явно или неявно, связаны с притязаниями на лидерство, на доминирование (в рамках кафедры, факультета, университета и т.д.). При этом чаще всего речь идет не об административной власти, не о начальничьих должностях, а о признанном и поддержанном «сверху», т.е. руководством, лидерстве в той сфере, где ученый работает как ученый (иначе говоря, о признании конфликтующего и бунтующего ученого в статусе ведущего, лидера). Приход нового ректора всегда означает некое перераспределение лидерских позиций в вузе, а решительные и масштабные действия ректора В. Тлостанова, которые воспринимались как реформаторские, т.е. как призыв именно настоящих лидеров (а не «приближенных» и «преданных») в дело и на прорыв, объективно обостряли конкуренцию в КБГУ за лидерские позиции практически на всех факультетах, кафедрах, а также в создававшихся в то время НИИ на общественных началах. Желающих стать директорами этих самых НИИ было куда больше, чем таких НИИ. К сожалению, все осложнялось тем, что время от времени к этой, в общем полезной и вполне творческой конкуренции ученых за научное лидерство, добавлялась и явная борьба за власть – за должность ректора, т.е. за отстранение Тлостанова от должности. Участники этой не очень благовидной борьбы и сегодня неплохо себя чувствуют, - да Бог с ними, - эту тему оставим в стороне. Все это я вспоминаю лишь потому, что Асланби Темботов, - надо ему отдать должное, - всегда сторонился вот этой самой возни «против Тлостанова», независимо от того, как сам Тлостанов относился к нему. Здесь я хочу затронуть некие моменты отношений Асланби Темботова и Владимира Тлостанова, к чему, впрочем, сам Асланби часто обращался и в моем присутствии. Дело в том, что отношения ректора

Тлостанова и профессора Темботова, которые поначалу складывались превосходно, на каком-то этапе стали довольно сложными и даже конфликтными. Асланби об этом часто вспоминал, как мне кажется, не без горечи: он не видел реальных причин к такому обороту событий и довольно болезненно переживал разлад. Зная неплохо всю обстановку в университете в период ректорства В. Тлостанова, должен сказать, что в разладе между А. Темботовым и В. Тлостановым в начале 90-х годов нет вины ни одного, ни другого, виноваты непреодолимые обстоятельства тех лет. Дело в том, что многие научные лидеры КБГУ, поддержанные в свое время В. Тлостановым (а в их числе был и Асланби Темботов), постоянно росли по масштабам идей, по размахам проектов, по запросам на реализацию своих научных результатов. А значит – им объективно требовалось все больше и больше ресурсов (материальных, кадровых, финансовых), а Тлостанов не мог им этого обеспечить. Не было такой возможности. Это и было причиной многих недоразумений, трений, обид и значительной части конфликтов. Более того, в 90-е годы ситуация в сфере науки и вузовской деятельности ухудшалась день ото дня. В этом смысле появление в КБР Регионального центра РАН стало просто подарком Фортуны; хотя понятно, что за этим стояли, наряду с активностью самого А. Темботова, - и не только его, - конкретные усилия конкретных людей: П. Иванова, В. Кокова и других, что мне известно не понаслышке, поскольку был в те годы министром образования и науки КБР. По времени это совпало (или почти совпало) с избранием А. Темботова в состав РАН. Так перед Асланби открылись новые горизонты. Все, что касалось науки, - биологической науки, - Асланби вдохновляло всегда. Но открытие Института экологии горных территорий, возможность выстроить его по меркам своей мечты для Асланби, судя по всему, стало «моментом рождения заново» – он делал все с величайшей энергией и полный энтузиазма. Он был настолько увлечен, что мог подолгу рассказывать всем, с кем общался, о делах и планах Института, о собственных задумках. Я это часто наблюдал в то непродолжительное время, что проработал по совместительству в Институте экологии. Особенно вдохновенно он рассказывал о делах и планах института, когда приезжали его сотрудники, соратники и друзья из Адыгеи (Адыгейского госуниверситета и др. учреждений). А они, в свою очередь, благоговейно слушали его, рассказывали ему о своих экспедициях, экспериментах и т.д. Подобное общение могло продолжаться часами и часами.

Конечно, как и любой человек, Асланби бывал разным: он мог быть жестким и

категоричным в своих требованиях к подчиненным, мог быть излишне эмоциональным в отношениях с вышестоящим начальством, мог быть конфликтным в отношении к ученому, который в открытую конкурировал с ним. Но в любом случае у него на первом плане оставались наука и интересы развития института так, как он это понимал.

Хотя дружеские отношения с Асланби никогда не прерывались, у меня с ним контакты по работе в разные этапы времени возникали то чаще, то реже. Довольно редкими они стали после моего перехода на работу в обком партии. В то время многие работники КБГУ активно стремились появиться в обкоме: кто-то с просьбами (ведь все вопросы, начиная с присвоения почетного звания, назначения на какую-то должность, кончая чисто житейскими, решались по партийному усмотрению), а кто-то и с намеками на «несправедливости» ректора Тлостанова. А Асланби Темботов ни разу не переступал порог обкома. И позже, когда я работал министром, он приходил в министерство, если его туда приглашали, на совещание, конференцию, на олимпиады и т.д. Но ситуация изменилась, когда я оставил работу министра и снова перешел на преподавательскую работу. Асланби вдруг позвонил мне и стал приглашать на работу в свой институт, горячо и убежденно объясняя, что философия востребована экологической наукой. Это было и приятно, и несколько неожиданно. Дело в том, что «команда Кокова», как себя называли тогда люди из окружения ныне покойного президента КБР, делала в то время все, чтобы осложнить мне жизнь и даже не гнушалась откровенными преследованиями. На этом фоне шаг Асланби выглядел не только как дружеский жест поддержки по отношению ко мне, но и как демонстрация своей независимости перед власть предержащими, некий его вызов. Таков был Асланби Темботов по характеру.

В этом коротком воспоминании невозможно отобразить все моменты и ситуации, в которых мне приходилось общаться с Асланби Казиевичем на протяжении более тридцати лет по самым разным причинам и поводам. Они касались и успехов в науке, и приятных событий в жизни А. Темботова, но порой касались и конфликтных ситуаций, но Асланби всегда убежденно держался собственных позиций и горячо их отстаивал. Это также характерно для Асланби.

Когда человек уже ушел в мир иной, все, что мы говорим о нем, является некоей мерой его дел и его личности. Асланби Темботов – это крупный ученый, прежде всего. Невольно хочется в этом контексте поразмыслить об отношениях судьбы А.

Темботова и судьбы российской науки в последние 30-40 лет, на которые пришелся расцвет творчества Асланби. Я не имею в виду его конкретные научные достижения – мне, не биологу, трудно о них судить, да они в этом и не нуждаются, поскольку давно получили самые высокие оценки главной инстанции науки в стране, Российской академии наук. Примечательное и счастливое пересечение судеб российской науки и Асланби Темботова мне видится, в глобальной мере, через призму тех метаморфоз, которые произошли в последние десятилетия в роли и значимости фигуры ученого и кресла чиновника в сфере науки. Поясню, о чем идет речь. В советское время, как это ни парадоксально, роль ученого и его позиция явно превалировали в решении любых вопросов науки, в том числе вопросов финансирования, открытия новых лабораторий или институтов. Соответственно, в советской системе крупный и активный ученый, член Академии наук был куда влиятельнее и авторитетнее, чем министр даже союзного ранга, если речь шла о решении вопросов развития науки. В этом плане, вероятно, вспоминая об Асланби, уместно помнить об академике В.Е. Соколове, который заметил его талант и поддержал. Ныне все изменилось, как говорится «с точностью до наоборот», сегодня для судеб науки в России чиновник средней руки в министерстве образования и науки России или в Российском фонде фундаментальных исследований значит куда больше, чем маститый ученый с перспективными идеями. Трудно себе представить, как бы сложилась судьба Асланби, если бы царила такая ситуация в те далекие времена, когда он ощутил тесноту кафедрального пространства и начал добиваться создания проблемной лаборатории, уникального во многом музея фауны и флоры Кавказа, а затем и Института горной экологии. Но история, как известно, не знает сослагательного наклонения: Асланби Казиевич Темботов вошел в историю российской науки, в историю наших народов и России. Вошел как талантливый ученый и как первый кабардинец, который удостоился чести быть членом Российской академии наук. А в моей памяти, как и в памяти многих, кто знал его близко, Асланби остается человеком неукротимой энергии – ученым, глубоко увлеченным биологической наукой, и (что теперь довольно редко бывает) гражданином, который умел заявлять собственную позицию и придерживаться ее даже в самых сложных жизненных обстоятельствах.